

УДК 947.6 "1944/1955"

Н. К. Юргевич

*Учреждение образования «Витебская ордена «Знак Почета»
государственная академия ветеринарной медицины» (Витебск, Беларусь)*

**ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА НА ВИТЕБЩИНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х - СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.
СТАТЬЯ ВТОРАЯ**

Аннотация. В статье показана государственная политика по отношению к католической и другим конфессиям на Витебщине в первые послевоенные годы. Ее осуществлял Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, структуры которого действовали на республиканском и областном уровнях.

Ключевые слова: католическая церковь, протестантская церковь, костел, храм, монастырь, монах, священник, ксендз, религиозная община, евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня, мусульманская община, иудейская община, синагога, Совет по делам религиозных культов.

Natalya Yurhevich

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine (Vitebsk, Belarus)

**CHURCH-STATE RELATIONS IN VITEBSK REGION IN THE SECOND HALF
OF THE 1940TH - MIDDLE OF THE 1950TH. ARTICLE SECOND**

Annotation. The article shows the state policy towards the Catholic and other confessions in Vitebsk Region in the first post-war years. It was carried out by the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, whose structures operated at the republican and regional levels.

Keywords: Catholic Church, Protestant Church, church, temple, monastery, monk, priest, catholic priest, religious community, Evangelical Baptist Christians, Pentecostals, Seventh-day Adventists, Muslim community, Jewish community, synagogue, Council for Religious Cults.

С освобождением территории БССР от немецко-фашистских захватчиков возник вопрос о судьбе открытых во время оккупации культовых зданий. Несмотря на постановление СНК СССР от 1 декабря 1944 г. «О порядке открытия церквей и молитвенных домов на территории, освобожденной от немецкой оккупации» [1, с. 180], в первые послевоенные годы в восточных областях БССР наблюдался процесс постепенного закрытия костелов и прекращения деятельности религиозных общин католического вероисповедания, начавших работу во время войны. Уже к середине 1946 г. в восточных районах республики все костелы были закрыты (их насчитывалось 33) [1, с. 184]. Помещения и молитвенные здания были отданы под зернохранилища, культурно-просветительные учреждения, общеобразовательные школы. С января 1947 г. началась национализация католических храмов и их имущества [2, с. 248]. Следующей будет кампания против ксендзов, которых обвинили в антисоветской деятельности, в срыве планов поставок сельскохозяйственной продукции, займов у населения и др.

Довольно сложным в послевоенные годы оставалось положение католической церкви в западных районах БССР. Когда в 1939 г. здесь

насчитывалось 416 костелов (501 ксендз), то на 1 января 1946 г. их количество сократилось до 387 (225 священнослужителей) [2, с. 246]. После войны в западных областях республики, как и в восточных, прошла волна репрессий среди католических священников. По этой причине многие храмы остались без служителей культа. Судьба любого храма, в котором не было священника, фактически была решена – очень скоро его закрывали. В некоторых случаях местные органы давали разрешение для проведения службы в период церковного праздника ксендзу из другой общины. Например, как это произошло в местечке Лынтупы Поставского района Витебской области, когда после 8 месяцев ходатайств было позволено ксендзу Бульке из д. Комаи приезжать и проводить службы в лынтупском костеле [3, л. 39-41]. Чтобы уменьшить влияние на верующих, с 1948 г. ксендзам запрещалось обслуживать более одной религиозной общины. В результате сразу 98 католических общин остались без священнослужителей [2, с. 246]. Решить кадровый вопрос было почти невозможно, потому что в послевоенные годы в БССР не было учебных заведений, которые бы готовили католических священников. Практически всем ксендзам, которые приезжали в БССР из других регионов, местные власти отказывали в прописке, что в дальнейшем было одной из причин не принимать их на работу [3, л. 102]. В архивных документах содержится много ходатайств о регистрации храмов и религиозных общин, заявлений о направлении в данную местность священника. Такие обращения граждан тщательно рассматривались Советом по делам религиозных культов при СМ СССР, но большинство из них имели отрицательный ответ. Находились любые причины, по которым власти отказывали верующим в просьбе. Были и такие случаи, когда храм был отремонтирован силами и средствами населения и зарегистрирован, но проводить службы было невозможно по причине, например, занятия помещения костела под зернохранилище колхоза, как это произошло с храмом д. Удело Глубокского района Полоцкой области [3, л. 106].

В послевоенные годы в республике продолжали действовать католические монастыри. Когда в 1939 г. в западных областях республики насчитывалось 65 мужских и женских монастырей (всего 9 монахов и 103 монахини), то на конец 1945 г. осталось 2 мужских (Гродно, Кобрин) и 5 женских (Гродно, д. Грибовщина Несвижского, м. Городец Антопольского районов, г.п. Друя). Однако в начале 1950 г. власти закрыли все действующие католические монастыри [2, с. 249].

С целью снижения влияния ксендзов на верующих в послевоенные годы власти содействовали выезду католических священников в Польшу. В 1947 г. в соседнее государство выехало 306 представителей католического культа, 246 отказались и остались в БССР [2, с. 250]. Начались репрессии среди католических священников. Недостатки в проведении поставок сельскохозяйственной продукции, займов, а также массовой коллективизации в западных областях БССР и ополячивании населения местные власти связывали с деятельностью костела. Так, нежелание крестьян обобществлять с трудом приобретенный инвентарь и домашний скот связывалось с «подрывной» деятельностью костелов. Поэтому с 1946 г. по 1 июля 1951 г. было арестовано и осуждено на различные термины 62 ксендза. Был арестован настоятель (пробощ) Парафьяновского костела Докшицкого района И. Завистовский, который был осужден Полоцким областным судом на 10 лет лишения свободы. По решению Верховного Совета БССР 8 июля 1954 г. он досрочно был освобожден в связи с ходатайством своей сестры, которая привела факты помощи ксендза разведчикам одной из партизанских бригад в

годы Великой Отечественной войны. В апреле 1950 г. был арестован пробощ костела в д. Прозороки Плисского района Полоцкой области ксендз Варш, а летом этого года здание храма отдали под зернохранилище. За 1948–1951 гг. в Миорском районе власти закрыли все 5 костелов. Всего в республике за это время было закрыто 57 католических храмов (25% от зарегистрированных) [4, с. 397]. Чтобы оправдать репрессивную политику по отношению к римско-католической церкви, Москва потребовала подтверждения с мест антисоветской деятельности католического духовенства.

С 1954 г. в БССР, как и во всей стране, начала складываться новая ситуация, связанная с возвращением из лагерей осужденных католических священников. Незаслуженно обвиненные священники были реабилитированы. До начала 1956 г. в республику прибыло 60 ксендзов, из них 22 в Гродненскую область. Местные органы власти, как свидетельствуют архивные документы, неохотно давали разрешение на их регистрацию, мотивируя это активизацией деятельности религиозных общностей. Там, где начинали работу возвратившиеся ксендзы, оживала религиозная жизнь (росло количество заявлений с просьбами зарегистрировать священника, собирались средства на ремонт костела и др.). Чтобы остановить этот процесс, местные власти лишали прописки священников, что являлось причиной отказа при приеме на работу и регистрации молитвенного здания.

В послевоенные годы власти БССР ввели запрет на религиозное обучение детей (хотя это разрешалось центральными органами). 23 июля 1947 г. ЦК КП(б)Б направил на имя И. Сталина и А. Жданова письмо о фактах антисоветской деятельности католического духовенства в западных областях БССР, в котором отмечалось, что «костелы хотят взять под свое влияние детей и молодежь как непосредственно, так и через родителей и тех учителей, которые воспитаны в духе польского национализма и религиозной идеологии». Подвергался критике Совет по делам религиозных культов при СМ СССР, который позволил проводить религиозное воспитание. В 1948 г., реагируя на просьбу Минска, Москва запретила проведение религиозного воспитания детей. За нарушение этого приказа священники должны были привлекаться к судебной ответственности. Дело дошло до того, что с каждого священника брали специальную подписку. Можно привести одну из статей «Уголовного кодекса БССР», который предусматривал наказание или штраф за обучение религии детей: «Обучение малолетних или несовершеннолетних религии в государственных или частных школах и, вообще, обучение религии с нарушением установленных для этого правил влечет штраф до 300 руб. или исправительно-трудовые работы до 1 года» (ст. 159) [5, л. 35]. Однако в архивных документах есть факты присутствия детей и молодежи при проведении богослужений, таких обрядов как крещение, венчание, отпевание и др. [3, л. 108], [6, с. 141]. Например, в Волковысском деканате в 10 костелах работали хоровые кружки, в которых принимали участие не только юноши и девушки районного центра, но и деревенская молодежь [1, с. 185].

Таким образом, в послевоенные годы сокращалось количество действующих костелов. Когда в 1945 г. насчитывалось 387 зданий костелов, где проводились службы, то на 1 апреля 1951 г. службы проходили только в 154. 75 молитвенных зданий использовались как хранилища, 43 пустовали, в 28 находились культурно-просветительные учреждения, 18 были заняты православной церковью и др. [2, с. 252]. Репрессии среди ксендзов, политика закрытия костелов привели к свертыванию деятельности многих религиозных

общин. В конце 1955 г. в западных областях БССР было зарегистрировано 152 костела [2, с. 255].

В послевоенное десятилетие не произошло изменений в отношении власти к протестантской церкви. Государственная политика направлена была на дальнейшее сокращение религиозных организаций. Важным событием в жизни протестантских общин явилось объединение в октябре 1944 г. баптистов с евангельскими христианами (ЕХБ). Церковь возглавил Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), который находился в Москве. Объединение двух направлений носило искусственный характер. Многие пятидесятники не хотели объединяться. Поэтому некоторые общины переходили на нелегальное положение [7, л. 1-3]. Всего на 1 января 1947 г. было зарегистрировано 229 общин, в которые входили 15686 верующих [1, с. 188].

До начала 1950-х гг. в развитии ЕХБ можно отметить два направления: во-первых, активизировалась деятельность религиозных объединений в восточных районах, что было связано с закрытием католических храмов и сокращением православных приходов, во-вторых, в начале 1950-х гг. был характерен рост городских церквей ЕХБ. В БССР на 1 января 1955 г. действовало 155 общин ЕХБ (55308 членов) [1, с. 189], из них в Витебской области – 3 общины [8, л. 2].

В первые послевоенные годы восстановили деятельность общины адвентистов седьмого дня. На 1 октября 1946 г. в БССР прошли регистрацию 6 организаций – 3 в Пинской и по 1 в Витебской, Гродненской и Брестской областях. Деятельность данных организаций взволновала партийные структуры по той причине, что по субботам дети не посещали школу, многие из них принимали участие в молитвенных собраниях [2, с. 259-260].

Отметим, что после войны государство не позволяло открывать и регистрировать иудейские общины, потребность в которых у верующих была довольно большой [6, арк. 151-153]. Фашисты уничтожили синагоги и памятники еврейской культуры. После войны сохранившиеся синагоги действовали только в западнобелорусском регионе. В июне 1946 г. произошла регистрация общины в Минске, затем в Калинковичах. В конце 1940-х – 1950-е гг. было отказано в регистрации еврейской общины в Витебске в связи с тем, что молитвенного здания не имелось, а средств для строительства нового облисполком не выделил. При чем здание синагоги, построенное на деньги еврейской общины до войны, было приспособлено под жилье 4-х семей. Просьба позволить купить здание для проведения службы на средства верующих осталась без внимания [8, л. 56-57].

По причине отсутствия синагог верующие собирались в частных домах и квартирах, где организовывались так называемые миньяны (проводились нелегально). Например, в Витебске на праздники в частных домах собиралось от 120 до 150 человек [9, л. 45-46], [10, л. 6-7]. Настойчиво добивались регистрации общины Гомеля, Речицы, Жлобина, Рогачева, Могилева, Лепеля, Орши, Радошкович, Борисова и др., но получали отказ. В 1952 г. в Гомеле действовало 7 синагог, Бобруйске – 9, Пинске – 4, Мозыре – 3, Речице и Жлобине – по 2. На 1 января 1955 г. в Беларуси остались действовать две иудейские общины [1, с. 189].

Похожая ситуация складывалась и с мусульманскими общинами. В первые послевоенные годы в населенных пунктах, где проживали белорусские татары, насчитывалось 13 мусульманских общин, из которых 4 в дальнейшем прошли регистрацию. Политика свертывания деятельности конфессии привела к тому,

что в 1955 г. в БССР остались функционировать зарегистрированные общины в д. Муравщина Ивьевского и в д. Осмолово Несвижского районов [1, с. 190].

Надежда на изменения в религиозной жизни возникла после выхода постановления 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В ней отмечалось недопустимым унижение чувств верующих, применение административных мер против священников и верующего населения, незаконное закрытие храмов, запрещение проводить богослужения и др. В качестве примера можно привести обсуждение этого постановления в одном из западных районов, где отмечалось, что сельское население предъявляет большие требования к культурно-просветительной работе, однако «культура у нас запущена», «поэтому следует не ругать молодежь за то, что она посещает секты, церковь, а улучшить среди нее воспитательную работу, вовлечь ее в кружки художественной самодеятельности» [11, л. 133]. После выхода этого постановления верующие надеялись на то, что власти более внимательно будут относиться к их требованиям и реализации права на свободу вероисповедания. Во многие партийно-государственные учреждения присылались письма с просьбами сделать более демократичным конфессиональную жизнь, зарегистрировать религиозные общины и др. Но верующих ждало разочарование, когда на свои просьбы они снова получали отрицательные ответы.

Таким образом, если в первые послевоенные годы наблюдалось некоторое либеральное отношение государства к православной церкви, то жесткой и непримиримой оставалась ее позиция к другим конфессиям. В целом партийно-государственная политика была направлена на дальнейшее сокращение религиозных организаций, храмов, притеснение верующих. Но главным в борьбе с религией оставались нажимные методы, запрещение религиозной жизни. Несмотря на вышесказанное, в первые послевоенные годы большая часть населения оставалась верующей, в повседневной жизни, особенно в западных областях БССР, очень строго придерживалась выполнения церковных обрядов. Именно этой части населения мы обязаны за сохранение нашей духовной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – 728 с.
2. Канфесіі на Беларусі (канец 18 – 20 стст.) / В. В. Грыгор’ева і інш. ; нав. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск, 1998. – 340 с.
3. Докладные записки // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 12.
4. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск, 1997. – 486 с.
5. Докладные записки // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 9.
6. Уполномоченный Совета по религиозным культам при облисполкоме // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 13.
7. Докладные записки // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 8.
8. Докладные записки // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 10.
9. Докладные записки // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 6.
10. Докладные записки // ГАВО. – Фонд 4029. – Оп. – 1. – Д. 7.
11. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви. 1955 г. // ГАВО. – Фонд 4131. – Оп. – 1. – Д. 9.